УДК 343.352:35.08 https://www.npzhdialog.ru/22-2026

Антикоррупционный контроль в органах государственной власти: проблемы и пути повышения эффективности (на примере Федерального казначейства)

Сагань Софья Владимировна,
магистрант, Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, sagan2001@mail.ru

Заяц Павел Всеволодович,
профессор кафедры государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук

Аннотация. В статье анализируется современное состояние антикоррупционного контроля в органах государственной власти на примере Федерального казначейства. На основе официальных статистических данных и международных рейтингов обосновывается устойчивый рост коррупционных проявлений в России. Рассматриваются основные направления внутреннего контроля в Казначействе России, выявляются системные ограничения действующей модели: кадровая недостаточность, методическая разобщенность территориальных органов, низкая эффективность цифрового мониторинга и затрудненный доступ к банковской информации. Предлагается комплекс мер по совершенствованию антикоррупционного контроля, включающий цифровую трансформацию, оптимизацию правовых механизмов и усиление роли институтов гражданского общества.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, Федеральное казначейство, конфликт интересов, внутренний контроль, национальная безопасность, коррупционные правонарушения, цифровой мониторинг.

Коррупция в органах государственной власти остается одной из наиболее системных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Несмотря на наличие разветвленного антикоррупционного законодательства и специализированных контрольных органов, уровень коррупции в стране остается стабильно высоким [2].

Федеральное казначейство контролирует расход бюджетных средств. Одновременно оно и само является объектом антикоррупционного контроля [6]. На примере этого ведомства можно увидеть как общие для всей системы проблемы, так и специфические, которые есть только в Казначействе.

Цель статьи — оценить текущее состояние антикоррупционного контроля в Казначействе, разобраться, что мешает ему работать эффективнее, и определить, какие меры могли бы изменить ситуацию.

В «Антикоррупционном словаре» РАНХиГС антикоррупционная политика определяется как «рациональная, нормативно-упорядоченная, оперативная деятельность, осуществляемая институтами государства и гражданского общества с целью предотвращения коррупционной деятельности, а также устранения ее причин и последствий» [15]. Здесь важно то, что субъектами политики названы не только государственные органы, но и институты гражданского общества. Кроме того, акцент сделан не только на превентивных мерах, но и на устранении причин коррупции.

В 2025 г. в России зарегистрировали 43 241 преступление коррупционной направленности. Это на 12,3 % больше, чем в 2024 г., и самый высокий показатель за 13 лет [9]. Взяточничество тоже выросло: МВД насчитало 20 918 таких случаев — почти на четверть больше, чем годом ранее [10]. Индекс восприятия коррупции Transparency International за 2025 г. зафиксировал 22 балла из 100, 157-е место среди 182 стран [11]. В целом число выявленных коррупционных преступлений выросло с 36 400 в 2023 г. до 38 500 в 2024 г. и 43 241 в 2025 г., а число преступлений, связанных со взятками, — с 12 709 до 17 000 и 20 918 соответственно [9; 10].

Система противодействия коррупции в Казначействе опирается на внешние и внутренние механизмы. Внешний контур — это Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], Национальный план противодействия коррупции и указы Президента. Внутренний — ведомственные приказы, среди которых ключевое место занимает План противодействия коррупции на 2025–2028 гг. [6].

Головное подразделение внутреннего контроля — Управление внутреннего контроля и аудита (далее — УВКиА). Управление, положение о котором утверждено приказом Казначейства России от 26.03.2021 N 78, отвечает за соблюдение служащими запретов и ограничений, проверяет достоверность сведений о доходах и занимается урегулированием конфликта интересов [5]. Помимо УВКиА, в этой работе участвуют Управление государственной службы и кадров и Правовое управление.

В последние годы Казначейство активно внедряет цифровые инструменты антикоррупционного контроля [11]. С 1 января 2026 г. начал действовать новый порядок непрерывного контроля за доходами и имуществом служащих с использованием системы «Посейдон» [4]. Система подключена к базам ФНС, Росфинмониторинга, Росреестра, Банка России и других ведомств. Это позволяет быстро получать сведения о финансовом положении должностных лиц и их близких [4].

Еще один инструмент — казначейский мониторинг. Его правовая основа — ст. 242.13-1 Бюджетного кодекса РФ [1]. С 1 сентября 2026 г. действует новая редакция статьи, которая расширила круг операций, подпадающих под мониторинг [7; 8]. Мониторинг ведется дистанционно, через информационные системы, что дает возможность выявлять признаки нарушений на ранних стадиях [9].

При всех очевидных сдвигах остаются проблемы, которые не решаются только за счет цифровизации.

Кадры. Штат УВКиА — 34 человека. При этом под контролем больше 11 тыс. служащих по всей стране [6]. Получается, один инспектор должен проверять несколько сотен человек. При плановой доле выборочных проверок в 15 % нагрузка доходит до 50 проверок в год. Понятно, что при таком темпе глубоко вникнуть в каждую проверку невозможно — страдает качество [14].

Методики. Территориальные органы Казначейства применяют собственные подходы к оценке коррупционных рисков. Это приводит к тому, что в разных регионах интенсивность контроля различается [7]. Отчасти проблема связана с отсутствием единого регламента антикоррупционного контроля [12].

Доступ к банковской информации. Чтобы получить выписку по счету служащего или его родственников, нужно судебное решение. Это замедляет проверки [11].

Эти проблемы требуют комплексного решения [11]. В цифровой сфере стоит продолжить интеграцию «Посейдона» с системами Казначейства и добавить алгоритмы, которые выявляют косвенные признаки конфликта интересов [8]. Цифровой рубль тоже может повысить прозрачность казначейского сопровождения госконтрактов [10]. Однако, как справедливо отмечает Д. С. Поляков, цифровизация несет в себе и новые риски, порождая такие формы правонарушений, как киберкоррупция [13]. Поэтому важно не только внедрять технологии, но и разрабатывать меры противодействия новым угрозам.

Что касается банковской тайны, здесь предлагается двухуровневый подход. Сначала УВКиА запрашивает у банков сведения о наличии счетов — без сумм и движения средств. Если этого недостаточно и появляются признаки преступления, материалы уходят в правоохранительные органы, которые уже получают судебное решение на полную выписку [12]. Параллельно нужно закрыть пробелы в законодательстве о конфликте интересов — на них указывают Н. В. Наумова и С. А. Анисимова [12].

Еще один момент — организационный. Нужен единый регламент с общими критериями отбора служащих для проверок. И штат УВКиА стоит увеличить [14].

Предлагаемые меры и ожидаемый от них эффект можно обобщить следующим образом. Увеличение штата УВКиА до 45 единиц и создание трех специализированных отделов позволят снизить нагрузку (сейчас на одного сотрудника приходится 323 служащих) и повысить глубину проверок. Разработка Единого регламента антикоррупционного контроля обеспечит унификацию критериев и снижение диспропорций между территориальными органами. Внедрение алгоритмов машинного обучения и рейтинговой оценки рисков может сократить долю ложных срабатываний цифрового мониторинга с 87,3 % до 30–40 %, а двухуровневая модель доступа к банковской информации — срок проверки с 4–5 до 1–2 месяцев. Закрепление презумпции добросовестности, создание анонимного канала сообщений и защита заявителей способны повысить долю самоуведомлений с 0,1 % до 1–2 %.

Сегодняшняя модель антикоррупционного контроля в Казначействе не лишена проблем, и они носят системный характер [6]. Решение видится в развитии цифровых инструментов, доработке правовых механизмов и унификации методик. Тогда контроль сместится с фиксации уже случившихся нарушений на их предотвращение. В конечном счете это укрепит национальную безопасность страны [3].

Примечания

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. N 31. Ст. 3823.

2. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6228.

3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. N 27 (ч. 2). Ст. 5351.

4. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 N 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. N 18. Ст. 3060.

5. Приказ Казначейства России от 26.03.2021 N 78 «Об утверждении Положения об Управлении внутреннего контроля и аудита Федерального казначейства» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ Казначейства России от 06.02.2025 N 29 «Об утверждении Плана противодействия коррупции Федерального казначейства на 2025–2028 годы» // СПС «Гарант».

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.07.2026 N 941 «Об утверждении Правил проведения казначейского мониторинга и применения мер реагирования при открытии лицевых счетов участникам системы казначейских платежей и при осуществлении операций на указанных лицевых счетах» // Собрание законодательства РФ. 2026. N 31. Ст. 4821.

8. Письмо Минфина России от 24.08.2026 N 02-08-09/74057 «О казначейском мониторинге и применении мер реагирования после 01.09.2026» // СПС «КонсультантПлюс».

9. К ответственности за коррупцию в 2025 году привлекли 70 тысяч человек. URL: https://www.pnp.ru/social/k-otvetstvennosti-za-korrupciyu-v-2025-godu-privlekli-70-tysyach-chelovek.html (дата обращения: 23.10.2026).

10. ТАСС: число преступлений со взятками в России стало рекордным за последние годы. URL: https://www.vesti.ru/article/4916890 (дата обращения: 23.10.2026).

11. Индекс восприятия коррупции — 2025. URL: https://ti-russia.org/cpi/ivk-2025/ (дата обращения: 23.10.2026).

12. Наумова Н. В., Анисимова С. А. Пробелы в законодательстве о конфликте интересов государственных служащих: теория и практика // Молодой ученый. 2025. N 46.

13. Поляков Д. С. Цифровизация в контексте противодействия коррупции: дуализм превентивных возможностей и новых форм правонарушений // Молодой ученый. 2025. N 22.

14. Шалаев И. А., Кожанчиков О. И. Совершенствование организации и методов казначейского контроля на основе внедрения цифровых технологий // Человек. Общество. Инклюзия. 2025. Т. 16. N 1.

15. Антикоррупционная политика государства. URL: https://ilns.ranepa.ru/dopolnitelnoe-obrazovanie/Антикоррупционный%20словарь.php?ELEMENT_ID=8975 (дата обращения: 15.05.2026).

English version

Anti-corruption oversight in state authorities: challenges and ways to enhance effectiveness (a case study of the Federal Treasury)

Sagan' Sof'ya Vladimirovna, master's student, South-Russia Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Scientific supervisor: Zayats Pavel Vsevolodovich, professor of the department of state and municipal administration, South-Russia Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of sciences (history)

This article analyzes the current state of anti-corruption oversight within government bodies, using the Federal Treasury as a case study. Based on official statistical data and international rankings, the author substantiates the trend of rising corruption in Russia. The article examines key areas of internal control within the Russian Treasury and identifies systemic limitations of the current model, including staffing shortages, a lack of methodological consistency among regional offices, the low effectiveness of digital monitoring, and restricted access to banking information. A set of measures to improve anti-corruption oversight is proposed, encompassing digital transformation, the optimization of legal mechanisms, and a strengthened role for civil society institutions.

Keywords: anti-corruption policy, Federal Treasury, conflict of interest, internal control, national security, corruption offenses, digital monitoring.